

Одна из составляющих частей международного проекта «Индоевропейская грамматика» – тема «Индоевропейское имя», разрабатываемая в Институте общего и индоевропейского языкознания Фрайбургского университета под руководством проф. Эвы Тихи¹. В 2001 г. этой теме было посвящено заседание Индогерманского общества, по результатам которого выпущен сборник [IN 2003]. И надо отметить, что характерной чертой современной индоевропеистики является стремление воспроизвести сумму имеющихся знаний в словарной форме. Так, в том же Фрайбургском университете под руководством покойного Х. Рикса опубликован «*Lexikon der indogermanischen Verben*» (LIV; 1998; исправленное и дополненное издание – 2001). Этот словарь (к сожалению, не отрецензированный в свое время в России), несмотря на неизбежную дискуссионность отдельных положений, приобрел статус классического труда; в настоящее время на него ссылаются не реже, чем на словарь Покорного. Большую ценность представляет вступительная статья, написанная самим Х. Риксом: в ней впервые после Бругмана представлена полная классификация индоевропейских глагольных основ и перечислены глагольные корни, образующие тот или иной тип презенса и аориста².

Новый словарь фрайбуржцев создан во многом по модели LIV. Вступительную статью

написала руководитель коллектива Д. Водтко; у каждой словарной статьи есть свой автор, и мы в дальнейшем будем их именовать инициалами, как они и обозначены в издании (ДВ – Д. Водтко, БИ – Б. Ирслингер, КШ – К. Шнайдер). Заглавным словом каждой статьи является индоевропейский корень, описанный, как правило, и по Покорному, и по LIV. Затем перечисляются по возможности все корневые и производные имена этого корня. В особый раздел («*Einzelheiten*») выносятся дериваты, встречающиеся только в одной группе языков. Для подачи материала такая структура, безусловно, идеальна. Она дает представление обо всех словообразовательных гнездах данного корня. И в отечественной литературе уже появилась высокая оценка словаря [Герценберг 2009].

Однако, решив обозреть все богатство индоевропейской именной деривации, авторы столкнулись с весьма непростой задачей: материал оказался слишком обширен. В словаре рассмотрено свыше 10 000 дериватов от 207 корней, – притом, что у Покорного приведено около 2000 корней, и только от меньшинства корней (прономинальных и служебных) не образуется имен³. Очевидно, обозрение всех именных форм индоевропейского словаря – едва ли выполнимая задача. Она потребовала бы книги, превосходящей рецензируемую в

¹ Проект был основан Е. Куриловичем, написавшим для него второй том (аблаут и ударение, [Kuryłowicz 1968]). Затем появился третий том (глагольная флексия), написанный К. Уоткинсом [Watkins 1969]; затем – первый (фонетика), созданный У. Каугиллом и М. Майрхофером [Cowgill, Mayrhofer 1986]. В настоящее время проект возглавляет А. Баммсбергер; в его рамках, помимо Фрайбурга, работает группа ученых из Кельна под руководством Х.Л. Гарсия Рамона (глагольные основы, времена и наклонения), Вюрцбурга (руководитель Х. Хеттрих, индоевропейский синтаксис).

² О значении классификации Бругмана и Рикса, а также некоторые критические замечания см. в [Красухин 2005].

³ Говоря точнее, и от них образуются притяжательные прилагательные (**meio-* ‘мой’, **t(u)uo-i* ‘твой’, **nōs-tro-*, **-io-*, **ns-ro-*, **ns-mos-ko-* ‘наш’, **uōs-tro-*, **-io-*; **ius-ues-*, **ius-mos-ko-* ‘ваш’). Но их описание, конечно, должно присутствовать в ином издании, посвященном местоимениям. То же можно отнести и к порядковым числительным. Другое дело – лат. *quies* ‘покой’, гот. *hveila* ‘время, час’. Кажется вероятной их связь с прономинальным **k^uei-* [Gonda 1975; ср. Wallace 1986]. Корень, обозначающий сначала неопределенность, вполне возможно, присутствует и в именах со значением временной протяженности, т.е., в общем, существования. И этот вопрос заслуживал бы обсуждения в рецензируемой книге.

7–8 раз по объему. Ясно, что отбор материала был неизбежен; осознавая это, ДВ отмечает в предисловии: «Если представленная здесь выборка индоевропейских имен побудит и поспособствует дальнейшей работе исследователей с данным словесным запасом и многими другими, не рассмотренными здесь корнями, цель книги будет достигнута» (с. XXX). Сразу замечу, что такой представительный корпус, безусловно, отвечает этой цели. Но одновременно возникает вопрос о критериях и методологических основаниях отбора и интерпретации материала.

Обратимся сначала к предисловию ДВ. Автор подчеркивает, что задача всего коллектива состояла не в обосновании какой-либо теории происхождения и развития индоевропейского имени, но в максимальном представлении индоевропейского наследия в области имени. Меньшая часть имен (корневые и ряд дериватов – такие, как **ph₂tér* ‘отец’, **néuo-* ‘новый’) может быть непосредственно возведена к индоевропейскому прототипу; у большинства же имен морфологические и семантические характеристики могли существенно измениться в отдельных языках и группах.

Небольшой раздел посвящен классификации именных суффиксов. Автор говорит о корневых именах, отмечая, что по большей части они имеют абстрактное значение, тогда как агентивное развивается в композитах и префиксациях. ДВ ссылается на работу [Scarlata 1999]. Но это старое мнение, высказанное еще в классических трудах [Chantraine 1933: 3–4; Debrunner 1954: 15–18]⁴. Однако его трудно признать справедливым. С одной стороны, в композитах действительно основы могут приобрести конкретное и агентивное значение (ср. русск. *рок* – *пророк*, лат. *ops* ‘сила’ – *inops* ‘бессильный’⁵); с другой – в санскрите, древнегреческом, латыни есть множество вполне конкретных симплексов. С другой стороны, немало и композитов с абстрактным значением: др.-инд. *pra-díś* ‘поручение; пространство’, *sam-sád* ‘встреча’, *sam-vid* ‘свидание»; греч. *πρόσθη* *πρόσθεσις* (Гезихий) ‘установка’ и т.д. Таким образом, «конкретизация» основ в композитах – не закон, а лишь тенденция, и трудно представить, чтобы именно она могла сформировать внушительный класс агентивных симплексов. Неоднозначность корневых имен (способность выражать и деятеля, и процесс,

и результат действия), по-видимому, присуща им изначально. Гипотезы о причинах ее будут рассмотрены ниже. Далее ДВ кратко упоминает о гетероклитиках (которые действительно оказываются во многом близкими к корневым именам), именах на *-n*, а также с комплексным суффиксом *-men-/mon-* (и латинским *-mentum*, являющимся расширением простого *-men-*), а также об «индивидуализирующих» именах с суффиксом, который авторы восстанавливают как **-h₃on*. Из контекста не вполне ясно, о чем идет речь, т.к. примеры не приводятся. Вероятно, ДВ имеет в виду тот суффикс, который присутствует в итальянских именах типа *Nasō* (*nasum* ‘нос’), *Pisō* (*pisum* ‘горох’), *Cicerō* (*cicer* ‘боб’). Но реконструкция ларингала здесь не выглядит обоснованной. Конечно, во всех этих именах *-ō-* сохраняется в косвенных падежах. Однако трудно предположить, что в имени *homō* ‘человек’ присутствует иной суффикс; в статье **d^héǵ^h-om* ‘земля’ (ДВ) праформа латинского имени приводится без всякого ларингала (**d^hǵ^h(m)m-e/on-*). Правда, в примечании указана работа [Peters 1980: 188], где рассматривается вопрос о ларингале⁶. Попутно отметим, что восстановление здесь *-m-* дискуссионно. С одной стороны, его наличие объясняет вокализм ст.-лат. *hemōnem* (**ǵh₃mōn-m*); с другой стороны, непонятно возникновение удвоения *-mm-*. Возвращаясь к нашему суффиксу, укажем также на *πίων* (род. п. *πίονος*) ‘жирный’ (производное от *πίαρ* ‘жир’), вед. вин. п. м. р. *pīvānam* (*-ā-* < **-ō-* по закону Бругмана) и ж. р. *pīvarīs* (вин. п. мн. ч.) с абстрактным именем *pīvas*; *rājān* ‘царь’ – род. п. *rājñas* (ср. корневое имя *rāj*, лат. *rēx* ‘то же’, абстрактное имя – авест. *rāzarə* ‘царство, власть’⁷). Очевидно, поначалу этот суффикс имел в слабых падежах нулевую ступень во-

⁶ А.С. Николаев обратил мое внимание на работы [Hoffmann 1955/76; Pinault 2000]. К. Хофман выделил особый суффикс **-aon-* со значением принадлежности, отношения к чему-либо. Наличие ларингала может объяснить долготы в формах типа авест. *maqθrā* ‘знаток речений’ с сохранением долготы в слабых падежах: ген. *maqθrāno*, дат. *maqθrāne*. Ж.Ж. Пино полагает, что здесь имеет место именно **-h₃-*, предлагая подробное, но не всегда убедительное обоснование этого утверждения. По мнению Пино, этот суффикс есть грамматикализация самостоятельного корня **h₃en-* ‘genießen’ (ср. греч. *ὀνίνημι* ‘быть полезным’).

⁷ На значимость этой формы для морфологии *rājān* обратил внимание П. Видмер [Widmer 2004: 64–65]. По-видимому, имя с назальным суффиксом – субстантивированное прилагательное.

⁴ Книга Шантрена есть в библиографии; странным и необъяснимым пропуском выглядит отсутствие классической работы Дебрунера.

⁵ Имена *bāhuvrīvi* типа *носо-рог*, *долго-нос* и т.д. мы здесь специально не рассматриваем.

кализма, затем основа выравнилась. Таким образом, долгота гласного перед *-n-* в латинских именах может быть только вторичным явлением, по аналогии с формой им. п⁸.

Далее ДВ упоминает еще 8 типов основ: основы на *-r-* (с производными *-ter-/tor-*), имена на *-l-* с производным славянским именем деятеля **-tel-* (рассматриваемым как полный аналог **-ter-*), имена на *-i-* – как самостоятельные, так и первые части композитов. Аблаутный вариант тех же суффиксов представлен в именах на **-oi-* (греч. *-ῶ*); впрочем, реконструкция этого типа не вполне ясна из-за ограниченности материала (греч. *ἤχῳ* ‘эхо’, *φειδῳ* ‘бережливость’, *πειθῳ* ‘убеждение’, *πενθῳ* ‘весть’; однако класс *-ai-*, род. п. *-aias* довольно продуктивен в хеттском [Kronasser 1966: 204–208]⁹).

Производный тип **-ti-* характерен для корней в ступени *e* или *0*; ступень *o* или продленная практически отсутствуют (м. б. только в слав. *в, сть*). Он же лег в основу балто-славянского инфинитива. От суффикса *-u-* произведен суффикс *-tu-*, который тоже принимает участие в образовании инфинитива (в древнеиндийском) и супина (в латыни и славянском) и конъюнктива в литовском. Впрочем, ДВ полагает, что эти формы слишком грамматикализированы и не всегда могут точно отражать индоевропейские прототипы.

Формы на *-H-* в чистом виде не встречаются; этот суффикс засвидетельствован только в составе **-aH-* (см. ниже) и **-ih₂-* (др.-инд. тип *devī*); тип же *vrkī* может воспроизводить вариант **-iH-* ~ **-ih₁-* (т. е. соотноситься с именами типа лат. *materies*). Несколько производных есть от суффикса **-s-*. Во-первых, существуют аблаутные варианты **-os-/es-*, причем ДВ ссылается на работу [Stüber 2002: 25], где первый вариант определяется как позднеиндоевропейский показатель коллективности. ДВ достаточно сдержанно оценивает эту гипотезу, справедливо полагая, что речь идет скорее об инновациях отдельных языков. Попутно отметим, что абстрактно-собирательное значение спорадически может возникать у любых имен среднего рода: др.-инд. *mitrá* ‘друг’ – *mitráṃ* ‘дружба’; *párśu* ‘ребро’ – *pārśvám* ‘реберная область’; греч. *λοιπός* ‘оставшийся’ – *λοιπόν* ‘будущее’.

⁸ Следовательно, перед нами многоступенчатый процесс выравнивания основ. Ср. греч. *χθών* – *χθονός* ‘земля’ в сравнении с др.-инд. *kṣāṃ* – *kṣmās*. О выравнивании основ по номинативу см. [Красухин 2007].

⁹ И эта выдающаяся, отнюдь не утратившая своего значения монография отсутствует в списке литературы.

Соединением суффиксов **-u-* и **-s-* является перфектный причастный суффикс **-ues-* (с гетероклитикой **-uet-*). ДВ упоминает реликтовые формы типа гот *weitwoþs* ‘свидетель’, др.-ирл. *brigu* ‘возвышенный’. Заметим также, что этот суффикс регулярен в славянском (*-въ, -въши*) и, по-видимому, в оскском (*sipus* ‘узнавший’). Его следы есть в балтийских языках (лит. *siutios žmones* ‘бешеные люди’ – *siūsti* ‘яриться’ [Ambrazas 1978: 15]). Суффикс **-t-* встречается в таких именах, как **ne/og^u-t-* ‘ноготь’. Такие имена по значению и морфологии вполне подобны корневым.

Наконец, отмечается и суффикс **-nt-*, образующий причастия. Этот суффикс также определяется как составной. Автор классической (и пропущенной в библиографии) работы об этом суффиксе Г.Р. Солта [Solta 1958] считал, что он представляет собой расширение суффикса **-on-*. Это весьма убедительно обосновано такими формами, как греч. *περικτίονες* ‘соседи, жители окрестностей’, *ἄμφικτίονες* ‘то же’. Это древние производные от корня **tkei-* ‘жить, обитать; обладать’ (др.-инд. *kṣéti*), который в греческом представлен в производном *κτίζω*, но в микенском сохранилась форма *kitijesi* (PY Na 520) *κτιενσι* ‘они выращивают(?)’. От такого корня причастие могло выглядеть как **κτιών, -όντος* (= вед. вин. п. *kṣiyántam*); форма *-κτιον-* демонстрирует связь имен на *-on-* и *-ont-*. Отметим также обстоятельную работу Ф. Юзефсона [Josephson 2004], в которой показана изначальная многозначность данного суффикса: в хеттском языке, к примеру, он образует активные причастия при непереходных глаголах и пассивные – при переходных (*arpanza* ‘захваченный’, *kunanza* ‘убитый’). Кроме того, в хеттском этот суффикс образует имена одушевленные и агентивные (о чем см. [Laroche 1962]), производные (*ānza* ‘единица’ от и.-е. **oi-* ‘один’), «субъектные» (*irmananza* ‘болезнь’ – *irmananza apatar-set* (KUB XXXVII 190 Rs. 9), дословно ‘болезнь свое заражение’ (= заразная болезнь) в отличие от оборота *kurur apatar* ‘враждебность, агрессия’, дословно «взятие вражды», где *kurur* играет роль объекта). Юзефсон сравнивает данный суффикс с английским *-ing-*, также отличающимся многозначностью. В хеттском же суффикс *-ant-* играет как лексическую роль, так и синтаксическую, выражая субъект, прежде всего в конструкциях со значением активного действия. Конечно, в рецензируемом словаре хотелось бы видеть мнение составителей и по данным вопросам.

Соответственно корневым и многие производные атематические имена находят тематические параллели. Из тематических суффиксов

упоминаются *-ro-/ero, *-lo-/elo-, *-to-/eto-, *-io-, *-uo-, *-ko-, а также суффиксы *nominum instrumenti* *-tro-/tlo-, *-d^hro-/d^hlo- и ларингальный *-eH-, справедливо определяемый как собирательный.

На наш взгляд, было бы целесообразно не просто дать этот перечень, а хотя бы кратко охарактеризовать функцию соответствующих суффиксов. Так, имена на -t могут выступать как *nomina actionis* (хетт. *anliatt-* 'дело'), имена результата (греч. *δαίς* 'пир' – *δαίωμαι* 'делить'), деятеля (*πλανής* 'бродяга' – *πλανάω* 'бродить') [Chantraine 1932: 265–267]. Имена на *-tó- суть их аблаутно-акцентные варианты (др.-инд. *devastút* 'славящий богов' – *śtutáh* 'хвалимый'). Понятно, что описать систему именных суффиксов сложнее, чем систему глагольных. Первые относятся к области словообразования, вторые по большей части – к области словоизменения. Поэтому именные суффиксы гораздо более многозначны, чем глагольные¹⁰. Тем не менее, стоило бы дать краткий обзор. При этом случаи грамматикализации необходимо указать не выборочно (инфинитив, супин, литовский конъюнктив), а полностью. К примеру, имена на *-(e/o)lo-, могут обозначать деятеля (лат. *figere* 'лепить' – *figulus* 'гончар'), орудие (*iaculum* 'копье' – *iacere* 'бросать'¹¹), активные и пассивные прилагательные (*bibere* 'пить' – *bibulus* 'любящий выпить; годный для питья; впитывающий влагу'); в славянских языках они функционируют как результативные причастия (изначально страдательные: польск. *przyniesiony* 'принесенный', *rozwiązany* 'развязанный')¹². Они легли в основу славянского перфекта. Имена на *-to-/no- во многих языках являются медиопассивными причастиями; оба суффикса нередко чередуются (нем. *gewoben/gewebt* 'сотканный', лит. прилагательное *pilnas* 'полный' – причастие *ipiltas* 'насыпанный, наполненный'). След подобных чередований в латыни, возможно, отразился в удлинении корневого согласного у некоторых страдательных причастий (закон Лахмана [Откупщиков 1967]). Попутно отметим существование небольшого числа абстрактных баритонных имен на -to-:

¹⁰ О соотношении словообразования и словоизменения см. [Панов 1956; Dressler 1989].

¹¹ Также можно отметить *basulum* 'палка' в сравнении с греч. *βάκτρον* 'то же', *βάκτήριον* 'посох'. Согласно Шантрэну [Chantraine 1932: 331], это общеевропейское слово с вокализмом *a* (ср. также др.-ирл. *bacc*), относящееся к «народному» словарю.

¹² Особая проблема – модальное значение подобных прилагательных, которые в оскском языке легли в основу футурума: *ampelust* 'impenditō', *entelust* 'intenditō'.

греч. *κύρτος* 'кривизна' – *κυρτός* 'кривой', *πότος* 'попойка' – *ποτός* 'пьяный'.

Большой интерес представляет не отмеченный авторами параллелизм дентальных именных суффиксов и глагольных флексий 3 л.: *-t – «вторичное» (немаркированное) окончание 3 л., *-tó – окончание меди и суффикс медиопассивного причастия, *-ti – «первичное» (презентное) окончание и суффикс «объективного» имени деятеля, *-tu – 3 л. императива и суффикс «субъективного» имени, грамматикализирующийся в показатель финального инфинитива и супина. См. о деталях реконструкции: [Benveniste 1948; Laroche 1975; Красухин 1987; Stempel 1996: 62–63].

В особый раздел предисловия выделено описание аблаута и акцента в именах. Это действительно очень важный вопрос. Дело в том, что в именах происходили процессы аналогического выравнивания ступеней вокализма и иммобилизации акцента, что делает восстановление первоначальных черт этимона весьма сложной задачей. ДВ обращает внимание на такие формы, как *g^mti- и *g^mem-tu (абстрактные имена от *g^mem- 'идти'). Варианты *g^mti-téi-, *g^mti-téu- встречаются только в косвенных падежах, вариант *g^mem-ti- вообще не засвидетельствован, в отличие от *g^mem-tu-, представленного в др.-инд. *gántu* 'ход, бег' (+ инфинитив *gántave*), возможно, и лат. *ad-ventus* 'приход'. С другой стороны, лат. *adventus*, вед. *gántoh* предполагают праформу *g^ment-eu, хотя и.-е. аблаут требовал бы скорее *g^mti-téu-. Таким образом, хотя формы *g^mem-ti-/g^mti-téi-, g^mti-téu- больше соответствуют правилам и.-е. аблаута и акцента, приходится описывать в словарных статьях те, что соответствуют реально засвидетельствованным (др.-инд. *gáti*, греч. *βάσις* < *g^mti-). Верные принципу описания, а не теоретизирования, авторы ограничиваются указанием на тип спряжения только данных, пусть и характерных имен. Вместе с тем проблема, многократно обсуждавшаяся в литературе, заключается в том, что рефлексы отдельных этимонов в отдельных языках меняют свои аблаутные характеристики. Этому вопросу, в частности, посвящены монографии А. Нуссбаума [Nussbaum 1986] и П. Видмера [Widmer 2004]. В последней из них прямо ставится вопрос о взаимоотношении др.-ирл. *ith* 'зерно' (< *pitu-) и *iath* 'поле' (*peitu-). Исследованию этого и посвящен у Видмера подробный анализ внутренней деривации (к которой мы еще вернемся). Этот анализ осуществлен с точки зрения Эрлангенской школы.

В этой связи отметим и досадный пропуск в обсуждаемом словаре. Говоря о суффиксе *-tér-/tor-, авторы не упоминают о его варианте *-tr-# (с 0 ступенью). Он присутствует

на периферии древнегреческого словообразования: *θέλκαρ* (**thélk-tar*) *θέλκτῆριον* (Гезихий) ‘колдовство’¹³, а в хеттском он регулярно образует абстрактные имена: *huiszi* ‘жить’ – *huisuatar* ‘жизнь’, *paprizzi* ‘грешить’ – *papratar* ‘грех’. Эта форма гетероклитическая (род. п. *huisuannas*, *paprannas*, *-nna-* < **-tno-*), вариант **-tno-/teno-* также распространен в индоевропейском словообразовании. Ее варианты суть следующие: во-первых, хеттский инфинитив II: *ekuzi* ‘пить’ – *akiuanna* ‘чтобы пить’, во-вторых, греческие имена типа *βάτνος ἀνλός* (Гезихий) ‘трубка’ или ‘струя’ (*βαίνω* ‘приходить’; *βατήρ* ‘постамент’¹⁴); древнеиндийские прилагательные типа *syautná* ‘колеблющийся’, существительные *rátanam* ‘богатство’; в-третьих, литовские герундивы типа *dirbtinas* ‘должный быть сделанным’ (*dirbti* ‘работать’); ср. также слав. *pruia-тънь*, *pona-тънь* [Krasuchin 2003: 96–98]. Таким образом, за пределами рецензируемой книги остался небольшой, но важный для реконструкции именной морфологии класс. Он наглядно показывает взаимоотношение полной и нулевой ступени корня и суффикса, гетероклизис в производных основах.

Также, говоря о суффиксах **-ten-/ton-*, следовало бы упомянуть и о суффиксе нулевой ступени **-tn-#* (имена действия) и **-tno-* (прилагательные). Правда, ДВ упоминает об абстрактном суффиксе **-ten-*, но целесообразно было бы привести такие параллели, как греч. *πολυπράγμων* ‘много делающий’ – *πράγμα* ‘дело’, *δάμνος οἶκτρος* (Гезихий) ‘воплъ’ – *δάμα*, *δῆμα* ‘укус’ (в статье **denk-* приведены только два последних имени), *βραδυβάμων* ‘медленно идущий’ – *βῆμα* ‘шаг’¹⁵. Имена на *-tno-* вообще не упомянуты (хотя этот суффикс довольно продуктивен в греческом и древнеиндийском, его следы есть и в латыни¹⁶), имена на **-tn-#* – упоминаются в одном контексте

¹³ Это имя четко корреспондирует с *θέλκτωρ* ‘колдун’.

¹⁴ Имя *βατήρ* упомянуто (с. 175, корень **g^hem-*), *θέλκτωρ* – нет.

¹⁵ В статье **g^heh₂-* упомянуто только *ἵπποβάμων* ‘сидящий на коне, использующийся как конь’ с долгим α. Но в имени *βραδυβάμων*, засвидетельствованном у Аристотеля, этот гласный может быть только кратким (иначе бы имя звучало как **-βῆμων*). Следовательно, мы имеем дело с сохранением старого аблаута (**g^heh₂-tn-* > *βῆμα* / **g^hh₂-món-* > *-βάμων* с последующей рецессией акцента) и выравниванием по аналогии (*-βάμων*).

¹⁶ Ср. еще греч. *κρημνός* ‘круча’ (*κρέμαται* ‘висеть’), др.-инд. *dyumnám* ‘свет’ (*divyate* ‘сиять, играть’), лат. *alumnus* ‘рожденный, вскормленный’ (*alere* ‘кормить’).

с **-ten-*, но ряд важных морфологических и апофонических деталей, как видим, при этом оказался упущен.

Д. Водтко ставила перед собой, очевидно, более простую задачу: обосновать схему построения словаря. Но ведь и она требует определенного принципа отбора словарного материала. Поэтому и для такой, выглядящей скромно, цели необходима классификация именных суффиксов, учитывающая как формальные (морфологические, морфонологические), так и семантические критерии. Вообще рассмотрение любых фактов вне какой-либо теории невозможно. Всем известны так называемые загадочные картинки, смысл которых меняется в зависимости от восприятия смотрящего. И составители рецензируемого словаря на самом деле не так свободны от теории. Они тоже описывают индоевропейский корнеслов и именную деривацию в рамках Эрлангенской школы, хотя и не слишком явно: авторы говорят об «акродинамических», протеро-, гистеро- и амфикинетических именах. Приведу лишь один пример того, как теория должна помочь классифицировать материал. Поскольку в индоевропеистике уже 60–80 лет присутствует эта терминология¹⁷, то желательно было бы использовать и эти характеристики в описании каждого деривата. Более того, именно учет всех вариантов позволяет иногда построить правдоподобную модель развития аблаутно-акцентных отношений в определенном классе имен. Иными словами, в словаре рассматриваемого типа хотелось бы видеть краткое описание индоевропейских суффиксов в их соотношении и развитии. Оно может быть сделано с учетом любой теории; для корректности целесообразно было бы упомянуть и конкурирующие концепции. Очевидно, такую работу авторы намерены представить в томе «Indogermanisches Nomen» [IN 2003]. Но рецензируемый словарь был бы самым подходящим местом для предварительной публикации идей его составителей. Это превратило бы его из простой и отнюдь не полной сводки материала в исследование динамики именной деривации, что, собственно, и должно являться целью подобного издания.

Чтобы показать значимость динамического подхода, рассмотрим имена на **-tu-*. Авторы совершенно правы, относя имя **g^hém-tu* к протеродинамическому классу: вед. *gántu* имеет аблатив и генитив *gántos*; латинский генитив *adventūs* может восходить только к **-tous* (< **-teus*). Но вопрос о полной ступени корневого вокализма, имплицитно заданный авторами, сохраняется. Для ответа на него и необходимо

¹⁷ Ее начало ведут от выдающихся работ [Pedersen 1926; Kuiper 1942].

описать аблаутные и акцентные черты по возможности всего класса на **-tu-*. В Ригведе к нему относятся в общей сложности 81 имен: 56 на *-tu*, 21 – *-atu*, 4 – *ītu*¹⁸. Большинство из них встречаются в корпусе по одному или несколько раз; мы учитывали, естественно, только слабые падежи. Среди них встретились как протеро-, так и гистеродинамические имена. Так, от имени *rtú* ‘подходящее время’ образован генитив *rtós*, номинатив мн. ч. *rtávas*, *gántu* – *gántos*, *aktú* ‘ночь’ – генитив *aktós*, датив *aktáve*, *jantú* – ген. *jantós*, дат. *jantáve*, *hetú* ‘причина’ – *hetós*, *tanyatú* ‘гром; грохочущий’ – *tanyatós* (во втором значении), *vástu* ‘утро’ – *vástos* (как правило, в значении «утром»), *vāstu* ‘жилище’ – *vāstos*, но производное *suvāstu* (название реки, дословно ‘находящееся в хорошем месте’) имеет генитив *suvāstvas* (VIII 19, 37). К тому же типу относятся прилагательное *tridhātu* ‘тройной’ (*tridhātavas gāvas* (V 47, 4) ‘наделенные тройным благом коровы’; первичное имя *dhātu* ‘часть’); *yātú* ‘волшебство; демон’ (N. pl. *yātávas* (V 37, 5) во втором значении), *svāitu* ‘идуший своим ходом’ – *svāitavas* (V 41, 9); *tāntu* ‘нить’ – *tāntavas*, *māntu* ‘совет’ – *māntavas* (и композит *amantávas* (X 125, 4) ‘не понимающие’), а также гапаксы: N. pl. *durdhārtavas* (V 87, 9) ‘неудержимые’; Dat. sg. *duṣṭārītave* (II 21, 2) ‘непобедимому’. С другой стороны, наречие *kṛtvas* ‘раз’, образованное от **kṛtu*, явно предполагает гистеродинамическую флексию. Такое же окончание в *pitvās* – генитиве и аблативе от *pitú* ‘питье’ (в общей сложности 9 раз – аблатив, поссесивные и партитивные генитивы). Весьма интересно имя *krātu* ‘сила’: от него засвидетельствован один генитив *krátos* и два – *krátvas*; один датив *krátave* – 9 *krátve*. Среди композитов отметим гистеродинамическое *śatákratu* (Voc. Pl. *śatakratvas* ‘о стосильные’ в X 97, 2) и протеродинамическое *simhā ná hesákrataṇḥ* ‘словно мощно рычащие львы’ (III 26, 5). Итак, налицо две тенденции: преобладание гистеродинамических вариантов там, где есть дубликаты¹⁹, и колебание композитов с конкретно-адъективным значением, образованных от абстрактных имен. Все вместе позволяет обрисовать картину развития протеродинамического типа. Он явно поначалу характеризовал имена с конкретным и адъективным значением, как правило, окситонные²⁰.

¹⁸ Учитывались и первичные имена, и композиты; последние иногда демонстрируют иную аблаутно-акцентную модель, чем симплексы.

¹⁹ Эта же черта свойственна и иным именам на *-u/-eu-* в ведическом. См. [Miller 1967; Красухин 1998].

²⁰ Здесь мы опускаем многие важные детали. В литературе, указанной в прим. 4, содержатся

Напротив, *nomina actionis* на *-tu-* изначально склонялись как гистеродинамические. И затем протеродинамический тип стал преобладающим (в послеведическом санскрите встречается только он). В именах на *-ti-* следов старого склонения уже не осталось, в именах на *-tu-* они есть.

Обратимся к греческому материалу. Здесь имена на *-tu-* склоняются исключительно по гистеродинамической модели; у подавляющего их большинства ударение стабилизировалось на суффиксе. Вследствие этого сформировался генитив *-úos*: *ἀγορητός* ‘дар красноречия’ – *ἀγορητύος*, *βοητός* ‘крик’ – *βοητύος*, *βρωτός* ‘еда’ – *βρωτύος* и т.д. [Chantraine 1932: 290–292]. Единственное, но очень показательное исключение – *ἄστυ* ‘город’, сохранившее баритонезу и, по-видимому, являющееся полной этимологической параллелью др.-инд. *vāstu* ‘жилище’. От него образуется протеродинамический генитив *ἄστεως* (*fāstēfōs*), но архаичный генитив отразился в деривате *ἄστός* (*fāstfōs*) ‘горожанин’ с впечатляющей параллелью *vāstos* (**uāsteus*) и *suvāstvas* в Ригведе. Не вдаваясь в дальнейшую дискуссию, отметим здесь варианты и имен на *-ti-*: помимо *φύξις* ‘бегство’ (р. п. *φύξεως*), засвидетельствовано имя и с полной ступенью вокализма *φεῦξις* (Soph. Antigona 362). Возможно, здесь мы имеем след исконного аблаута **bhéug-ti-/ *bhug-téi-*, постулируемого всеми исследователями протеродинамического склонения. Такой аблаут представляет собой четкую параллель к др.-ирл. *ith/iath* < **pitu-/peitu-* (см. выше). На различные ступени корневого вокализма имен на **-ti-*, **-tu-*, **-to-* обратил внимание и Б. Вайн [Vine 2004]. Такие имена, как *vóστος* ‘возвращение’, авест. *sraota* ‘звук’ (**kleu-to-*) суть поздние абстрактные формы, подобные типу *τόμος*; имена же на **-ti-/tu-* образуют менее регулярные аблаутно-акцентные модели в словоизменении.

Наконец, в хеттском существительные на *-i-*, *-u-*, как правило, склоняются по гистеродинамической модели, прилагательные – по протеродинамической [Kronasser 1966: 203–208; 250–253]. Итак, вместо простой ссылки на протеродинамическое склонение имени *gantu* целесообразнее было бы описать сложное взаимоотношение протеро- и гистеродинамических основ.

Следует указать также на литературу, не полностью проанализированную авторами, трактующую аблаут и акцент в деривации. Так,

аргументы в пользу того, что так называемые протеродинамические имена с ауслаутом основы на *-i-*, *-u-* в действительности заканчивались на ударный дифтонг (**-éi-*, **-eu-*).

в упомянутой книге А. Нуссбаума [Nussbaum 1986] подробно рассмотрены дериваты корня **ker(H)-*, имеющего два основных значения: «голова» и «рог» (а также производные: «вершина, череп» и т.д.). Автор показывает, как различные варианты корня приобретают то или иное значение: «рог» – **~oru-* (авест. *sruua-*; производные греч. *κόρυς*, *κόρυθος* «шлем», *κορυφή* «вершина»), **kérh₂-* (греч. *κέρας*), так же и варианты с 0 ступенью корня: **~k_ṛn-g-ó-* (др.-инд. *śrngá-*); «голова» – **~k_ṛ-s-eh₂-* (греч. *κάρι*, род. п. *κράτος* < **~k_ṛsh₂-ntós*), **(ki)k_ṛ-en-* (др.-инд. *śirṣān*) и т.д. Ср. также хетт. *karāuar* «рог» (< **k_ṛ-eh₂-u(o)r*: 0 ступень без вокализации сонанта). В работе Нуссбаума показано, что аблаутно-акцентные характеристики имен могут меняться, особенно, если речь идет о многосложных суффиксальных формах. И в рамках склонения, и в рамках словообразовательного ряда в таких именах ударение может фиксироваться, а вокализм той или иной морфемы – обобщаться. Автор говорит о замене акростатических парадигм на протеродинамические, гистеродинамических на амфикинетические, рассматривая этот процесс как способ деривации: акростат. **gónu-* – протерокинет. *g_ṇéu-/g_ṇu-* [Ibid.: 91] гистерокинет. *πατήρ* – амфикинет. *ἀπάτωρ* [Ibid.: 137].

В этом отношении шаг вперед представляет и работа П. Видмера [Widmer 2004]. Автор рассматривает взаимоотношение между различными аблаутными моделями имен с точки зрения их внутренней деривации, под которой подразумевается взаимоотношение существительного / прилагательного, имени предмета / имени свойства, имени класса / имени принадлежности к классу; единичного имени / коллективного имени. Видмер строит следующую последовательность [Ibid. 62–68]. 1. Акростатическое имя с количественным аблаутом (*ē/ě*) → акростатическое имя с качественным аблаутом (*o/e*): **u_ésu* «добро» → *uósu* «добрый». 2. Акростатическое имя с качественным аблаутом → протеродинамическое имя: **kr_é/tu-* «сила, власть» → **kr(o)tú-, -éu-* «сильный». 3. Протеродинамическое имя → гистеродинамическое имя: **g_{én}os-* «род» → **g_{én}es-* «(у)рожденный». 4. Акростатическое имя → амфикинетическое имя: *(*)r_{ēg}/n-* «царство» → **regōn* «царь», см. прим. 7. Конкретные детали этой схемы вызывают определенные возражения. Автору обзора, к примеру, представляется, что корневых акростатических имен не существует, а имеющиеся примеры допускают иное объяснение [Красухин 1998; 2005]. Далее, не все характеристики имен в примерах Видмера представляются адекватными. Например, вед. *krátus* (род. п. *krátvas* и – реже – *krátos*) является не акростатическим, а гистеродинамическим.

Производные имена типа греч. *γένος* и *εὐγενής* с их стабильным ударением нельзя характеризовать как протеро- или гистеродинамические. То же можно сказать об авест. *rāzarā* / вед. *rājān*. Вообще все примеры Видмера с морфологической точки зрения едины: они образованы путем перемещения ударения на конец основы. Мы предполагаем здесь действие общего закона правостороннего передвижения акцента.

Вообще, актуальной проблемой изучения аблаута и акцента, прежде всего в имени, является разграничение имен с подвижным ударением и имен с вторичной иммобилизацией акцента и с сохраненным аблаутом. Таковы имена типа греч. *ψεῦδος* «обман» – *ψευδής* «лживый», др.-инд. *ápas* «дело, работа» – *apás* «деятельный». Формы род. п. у них неизменно оканчиваются на **-os/-es*, что является динамической чертой. Тем не менее, ударение стабильно, как и апофония суффикса: ни то, ни другое не меняется при склонении. Таковы же баритонные и окситонные имена деятеля на **-tor-* и **-tér-*, в отличие от имен родства на **-ter-*, где ударение подвижно, и апофония суффикса подобна корневым именам [Tichy 1992; 1995]. Исходя из этого, можно критически оценить и пример Нуссбаума: имя *ἀπάτωρ* вовсе не амфикинетическое: в нем стабилизировался количественный аблаут атематического имени (номинатив *-ς* / генитив *-ος*) и качественный аблаут, обусловленный рецессией ударения. Ср. в этой связи *φρήν/ᾠφρων*. Иммобилизация акцента характерна именно для производных имен, в том числе и композитов. Авторам рецензируемой книги можно бы порекомендовать высказать свое мнение по этому вопросу.

Теперь перейдем к словарным статьям. Приходится отметить, что, при всей подробности и обстоятельности поднятого материала, в нем тоже можно найти лакуны. О некоторых из них речь шла выше. Рассмотрим еще несколько примеров. В корне **bheh₁-* «сиять, сверкать» (ДВ) странно выглядит отсутствие латинского *fās* «божественное право». Это имя – одно из самых интересных в индоевропейском лексиконе. Оно не изменяемо, не сочетается ни с каким предикатом, кроме *esse*, может быть только подлежащим или прямым дополнением, а чаще всего образует односоставные предложения. Основное синтаксическое значение такого имени – обособленность: *si fas est dictu* (Cic. Tusc. 5, 8) «если позволено сказать»; *leporem... gustare fas non putant* (Caes. B.G. V 12, 6) «они не считают допустимым наслаждаться удовольствием»; *fas illi divom limina tangere* (Verg. Georg. IV 358) «ему позволено дотронуться до жилища богов». Любопытно, что римские грамматики ощущали амбивалентность этого имени; об этом есть свидетельство Павла у Феста: *utrum*

fas illud strictiore quadam nominatione id ipsum, quod facere illis diebus licebat, antiquitus in se comprehenditur, an alicuius verbi infinitivus (velut 'lege agere') sit supplendus, in dubio relinquo (Paul. apud Festum, GGL I 59) 'Есть ли *fas* в строгом смысле «то, что в эти дни было можно делать» (как это понималось в древности), или же к нему должен быть присоединен инфинитив какого-то глагола (подобно «делать по закону») – это я оставляю в сомнении'. На наш взгляд, данное имя лучше всего воспроизводит черты древнего односоставного слова-предложения, обозначавшего одновременно деятеля, действие, объект / результат, орудие действия [Krasuchin 1996: 49–61; Красухин 2004: 246–265]. С точки зрения рецензента, к аналогичным словам можно возвести все атематические корневые имена; их многозначность, таким образом, объясняется их происхождением.

Существовало два пути для них: превращение в полноизменяемые слова или же сохранение обособленного статуса в предложении. Так, от имени *fās*²¹, по удачному предположению Г. Дункеля [Dunkel 1997], образовано имя *iubār* (gen. *iubaris*, ср. р.) 'свещающееся тело': **diu-bhas*, с последующим ротацизмом и изменением формы именительного падежа (*honos, honoris* → *honor, honoris*; аналогично **iubas, iubaris* → *iubar, iubaris*). Обособленные же имена, как правило, превращаются в наречия. В рецензируемом словаре это обстоятельство отражено не полностью. Так, греч. *πύξ* 'кулаком, в кулачной борьбе' упомянуто только в примечании к **pnk^hsti-* 'кулак' (БИ). Фонетически эту форму можно выводить и из данного корня. Но этому противоречат лат. *pungere* 'протыкать', *pugio* 'кинжал', заставляющие предположить здесь корень **pug-* 'ударять, протыкать'. Следовало бы также отметить, что у Гезихия сохранилось и полноизменяемое имя: *πύξ, πυμμή, γρόνθος* 'кулак'. Другое наречие той же структуры – *όδάξ* – упоминается в статье **denk-* (ДВ), с обзором мнений о происхождении данного наречия. Но почему-то не приво-

дится ни мнение П. Шантрена (*οδοιτ-* + *-δαξ*), ни простое *δάξ*, встретившееся в *Halieutica* («Морская поэма») 4, 60 Оппиана (II в. н.э.) [Chantraine 1974: 774]. Взаимоотношение *όδάξ* и *δάξ* примерно таково же, как у гомеровского *ἐπιμίξ* 'вперемешку' и *μίξ* (Никанор, II в. н.э.), приведенных в **teik-* (ДВ). Далее ДВ, упоминая имя *δής, δηκός* 'древесный червь' (у Иоанна Тцетца), с полным основанием утверждает, что оно сформировалось под влиянием *σφήξ* 'оса' (у автора ошибочно 'червь'); укажем в этой связи и послегомеровский аорист *ἔδηξα* (под влиянием *ἐπέλησεν / ἔλαθε*). Но при этом целесообразно упомянуть и имя *διάσφαξ* 'расщелина', а также варианты корней, представленные в: как *πλήξ* 'повязка' (= 'стягивающая'), *βουπλήξ* 'стрекало для быков; жертвенный топор' – *πλάξ* 'лепешка', *δίπλαξ* 'двойной', *τρίπλαξ* 'тройной'; *σὺμπλήξ* '1) вбитый в землю; 2) дверная ось' – *πάξ* 1. 'достаточно' (наречие); 2. 'подвязка' (последнее можно сравнить и с лат. *рах* 'мир' = 'нечто утвержденное'). Иными словами, имена с полной ступенью вокализма указывают на активного деятеля или подвергающегося активному воздействию; имена с 0 ступенью имеют скорее результативное значение²². Таких примеров немного, но их четкость свидетельствует об определенном аблаутном и семантическом отношении. Явная близость наречий на *-ς* и корневых имен тоже обращает на себя внимание. По сути это одна словоформа в различных функциях; морфема *-ς* переосмысливается либо как наречный суффикс, либо как окончание номинатива. К сожалению, имена *-πηξ, πλήξ, πάξ* и соответствующие композиты оказались за пределами словаря; из родственных корней зафиксировано только **pleh₂-* 'плоский, широкий', **pleth₂-* 'быть широким' (ср. [Pokorny 787]: **pāk/pak, pāg/pag* 'укреплять'; 831 – *plāk, plāk, plek, plok, pleik, pelag* 'широкий, плоский; расширять', 832 – *plāg/k* 'ударять').

В последнее время делались попытки связать вокализм корневых имен с их значением. Одна из первых работ – [Schindler 1972], где предполагается, что имена с вокализмом *e* суть акростатические генитивы, а имена с *o* – номинативы с вытекающим различием значений. Б.А. Олсен [Olsen 2009] предполагает, что аблаут *e/0* маркирует имена действия или деятеля, часто со стативным значением, а аблаут *o/e* – имена деятеля или результата. Но дело в том, что провести границу между именами деятеля и результата непросто; ср. русск. *печенье*,

²¹ Строго говоря, имя *fās* – не корневое, а наделенное первичным суффиксом *-s-*. Этот суффикс имел значение единичности, целостности и отдельности [Lehmann 1958: 31; Erhart 2006: 315–325]; ср. [Красухин 2004: 65–67], также [Николаева 2008: 234–252] о «морфологическом центре индоевропейских языков **-s/-t*». Его значение способствовало консервации первичной семантики в имени *fas*. Помимо прочего, он же присутствует в функциях наречного в греческом [Schwyzer 1939: 620 ff.], а также в числительных-наречиях типа лат. *bis* = греч. *δῖς* 'дважды', *ter* = *τρίς* 'трижды', а также *quinties* 'пятижды' и т.д. О наречиях см. далее.

²² Колебания в ауслауте основ (*πληγ-/πλαγ-, σφηκ-/σφαγ-, πηγ-/пак-*) не препятствуют их этимологическому сближению: они возможны и в одной основе (*σφάττω < *σφακ-ιω/σφάζω < *σφαγ-ιω*).

варенье (овсяное печенье vs. печенье пирогов). Автор этих строк полагает, что семантическая оппозиция выражена скорее полной и нулевой ступенью вокализма в номинативе. Что же касается акростатических имен, то среди корневых таковых просто не существуют; примеры Шиндлера, Нуссбаума, Видмера, Олсен могут быть объяснены иначе [Красухин 2005: 95–103]. В рецензируемой работе было бы целесообразно составить список имен, относящихся к различным аблаутно-акцентным моделям – хотя бы в пределах рассмотренных корней.

Весьма подробны такие статьи, как **b^her-* ‘нести’, **sk^heid-* ‘ломать, разбивать, разделять’, **sneig^{uh}-* ‘увлажнять’ (все – БИ). В них учтены и корневые имена, и их тематические дериваты, образующие тип *tómos–tomós* или, говоря точнее, тип *phór–phorós–phoros* (обоснование такого наименования см. в [Krasukhin 2004]). Но, как в любом подробном и обстоятельном описании предмета, находятся некоторые неточности. Так, в статье **b^her-* не упоминаются латинские прилагательные на *-fer* (*igni-fer* ‘огненный’), где второй элемент, вероятнее всего, происходит из **-bhro-*, представляя собой любопытную параллель цитируемому в статье *probrum* ‘позор, бесчестный поступок’ – субстантивированное прилагательное от *prober* ‘бесчестный’²³. В этом префиксальном имени изменилась и фонетика (**-b^h-* > *-b-* по закону середины слова), и семантика (**‘уносящий вдаль’* > ‘бесчестный’, ср. русск. *проходимец, пройдоха*). Напротив, композиты, в отличие от префиксаций, сохраняют исконное звучание входящих в них элементов (ср. *facio* → *ef-ficio* с редукцией, но *pate-facio* без редукции). К корню **b^her-* автор относит и лат. *fermentum* ‘закваска’, с оговоркой, что здесь, как и в др.-англ. *beorm* ‘дрожжи’ может присутствовать омонимичный корень **b^her(H)-* ‘вздвигаться’ или **b^heru-* ‘бурлить, кипеть’. Последнее предположение выглядит более вероятным; лат. *fermentum* скорее всего происходит из **fervimentum*. А вот *fretum* ‘прибой’, возможно, связан не с **b^her-*, а с *frendere* ‘дробить’ (см. о дериватах этого корня [Откупщиков 2001: 259–272]). Лит. *bāras* (4) ‘участок, полоса (земли)’ отнесено (под вопросом) к варианту **bhoro-*. Но очевидно, что если оно склоняется по четвертой, т. е. подвижной парадигме, то его можно сравнивать только с **bhoró-* (греч. *phorós*). Можно понять сомнения автора: по своему значению это имя далеко от окситонов, – как правило, прилагательных или имен действующих

лиц. Но это существенная проблема: литовские имена с подвижными а. п. иногда по своему значению приближаются к баритонным именам. Ср. лит. *laũkas* (4) ‘луг’ – греч. *leũkos* ‘белый тополь’ при окситонном прилагательном *leukós* ‘белый’. Это обстоятельство, на которое не всегда обращают внимание акцентологи [Дыбо 1981: 17], требует объяснения. Возможно, такие имена когда-то относились к среднему роду и перешли в мужской после падения этой категории в балтийском.

В статье **sk^heid-* возникает сходная проблема с акцентологией: среди дериватов оказывается имя-омограф с идентичным значением, но разной акцентуацией: *skáida* (1) / *skaidà* (4) ‘часть, расщепление, разбиение’. БИ ссылается на работу [Derksen 1996: 130], где предполагается *métatonie douché*, замечая при этом: «Остается открытым, полагает ли Дерксен этот индоевропейский корень содержащим ларингал» (с. 620). Сомнение вполне оправдано, так как этот корень нигде не обнаруживает следов ларингала. Также и в литовском ни один из его дериватов (кроме собственно *skáida*) не обнаруживает акута. Подобные пары в литовском засвидетельствованы, ср. *siela* (1) / *sielà* (4) ‘душа’. По-видимому, вторичен здесь именно акут, и он каким-то образом связан с иммобилизацией парадигмы (имена с ним переходят в первую а. п.); ср. с аблаутом: *kaimas* (1) ‘село’ / *kiẽmas* (4) ‘двор’. Следовательно, здесь надо говорить скорее о *métatonie rude*.

Мы уже отмечали отсутствие ряда, на наш взгляд, важных и показательных статей. Отметим еще несколько. Так, отсутствует статья **(s)pek’-/ (s)kep-* ‘видеть, наблюдать’. Многие языки образуют с помощью этого корня корневое имя: др.-инд. *spás* ‘разведчик’, греч. *σκῶψ* ‘филин’, *κῶψ* ‘ястреб’, лат. *-spex* в *auspex* (< *avi-spek-s*) ‘птицегадатель’, др.-исл. *spā* ‘свидетельство’. В греческом представлен окситон *σκοπός* ‘стражник; цель’. Несмотря на кажущуюся разницу обоих значений, их объединяет значение признака, ограниченного во времени. Это обстоятельство позволяет точнее понять процесс окситонезы в именном словообразовании [Krasuchin 1996: 64–65; Красухин 2004: 273–274]: от корневых имен со старым недифференцированным значением образуются первичные производные, обозначающие временные, возникающие лишь в определенной ситуации признаки и отношения. И если мы примем гипотезу о корневых именах как рефлексах слова-предложения, то нам становятся ясны механизмы образования как прилагательных и имен конкретных лиц, так и глаголов.

Не вполне ясно, почему присутствует корень **d^heiĝ^h-* ‘лепить, смазывать’, но отсутствует близкий ему по структуре **d^heug^h-*

²³ 0 ступень без вокализации сонанта представлена также в греч. *δίφρος* ‘повозка, сидение для возницы’, вед. *anavabhrārādhas* ‘имеющий неуносимый дар’.

‘созидать, распространять силу; мочь, быть в состоянии’ [Pokorny 271]. Этот корень имеет большое значение для реконструкции глагольной парадигмы, но и его именные производные важны для соответствующей категории. Имя *duh* ‘доитель’ в Ригведе образует этимологические фигуры, которые, на наш взгляд, являются одним из способов развертывания древнего односоставного предложения. Ср. *úpahvaye sudúghām dhenúm...etām suhásto godhúg dohat* (RV I 164, 26) ‘я воспеваю хорошо доящуюся корову; доитель коров с сильными руками так ее доил’; *tām tvā vayám sudúghām ivá godúgho juhūmasi* (VIII 52, 4) ‘так тебе мы, как доители коров, возливаем хорошо выдоенное’; *sudúghām godúghe juhūmasi dyávi-dyavi* (I 4,1) ‘мы возливаем хорошо выдоенное доителю коров’. Такую же фигуру образует имя *bhid* ‘разрушитель’, гапакс в Ригведе: *bhinát pūro ná bhīdo ádevīr* (I 174, 8) ‘разгромил крепости, словно нечестивых разрушителей’. Довольно активно образуется figura etymologica с *dhī* ‘мысль’ (< **d^heiH-*, переведенное в словаре как ‘замечать’): *pitā dadhyān dhīyam atnata* (I 80, 16) ‘отец Дадхьян (= Созерцающий) мыслью устремился’. Ср. еще: *rāyá ése ’vase dadhīta dhīh* (V 41, 5) ‘для богатства, блага пусть будет принята молитва’ (паронимическое сближение корней **d^heh₁-* и **d^heiH-*). Такие конструкции позволяют лучше понять прошлые корневых имен: односоставные предложения развертываются в виде этимологических фигур.

Приводится корень **g^heih₃-* ‘жить’, но нет его варианта ‘побеждать, преодолевать’ [Pokorny 1959: 469] с такими именными дериватами, как др.-инд. *jyā*, греч. *βία* ‘сила’. Основа **g^host(h₂)ti-* ‘чужой’ дается как корневая, хотя в действительности давно установлено, что она происходит из **g^hes-* ‘есть, пожирать’ [Иванов 1975; ЭССЯ 1980]; его производность вытекает из его структуры (суффикс *-ti-*). Это один из общеиндоевропейских дериватов. Более внимательно рассмотрена производность таких этимонов, как **b^hráh₂ter* ‘брат’ (БИ), **máh₂ter* ‘мать’, **ph₂tér* ‘отец’, **suésor* ‘сестра’ (все КШ). Так, БИ приводит сводку мнений об основе **b^hráh₂ter*: **b^her-* ‘нести’ + **āter* ‘огонь’; **b^hr-* + *-eh₂-* + *-ter-*, резонно замечая, что имена деятеля на **-ter-*, по крайней мере, в позднем индоевропейском могли образовываться только от чистых корней. Отмечу, что БИ неточно, хотя и со ссылкой на В.И. Абаева, переводит осет. *æрвæд* как ‘брат, родственник’. В.И. Абаев [1973: 437–439] определяет это имя так: 1. ‘брат’ (в иронском крайне редко); 2. ‘родич, член семьи’. Ср. *æрвæд(д)æлтæ* ‘группа людей, имеющая общего предка (разделившиеся от одного очага)’, *madyrvad* ‘родич по матери’. В

современном осетинском языке *æрвæд* может означать ‘однофамилец’²⁴. Это имеет принципиальное значение, т. к. греч. *φράτηρ, φράτωρ* – не ‘брат’, а ‘член фратрии’ (при глоссе *φράτηρ ἀδελφός*). И в том, и в другом языке имеется особое имя для брата, образованное сходным образом: осет. *ævsymært/ænsuvaær* (< *æn-* < **sm-* ‘совместно’ + *suvaær* ‘матка’), греч. *ἀδελφός* (< *ἀ-* < *ά-* < **sm-* + *δέλφους* ‘матка’). Греко-осетинская параллель, как представляется, помогает лучше понять семантическое развитие этого имени: ‘имеющий отношение’ → ‘родственник, сосед, имеющий что-то общее’ (ср. англ. *relative* ‘родственник’). Как справедливо заметил В.И. Абаев (loc. cit.), история этого этимона запечатлела переход от большой семьи к малой²⁵. Таким образом, можно предположить здесь корень **b^her-* (> **b^hr-eh₂-*) в значении ‘собирать, иметь отношение’. Надо полагать, что именно такой вариант корня мог иметь терминативное значение (не ‘нести’, а именно ‘приносить, собирать’). Позднее он развился в аористный в балто-славянском ареале (церк.-слав. *бъра*, лит. *biro*). Имена **ph₂tér-* и **máh₂ter-*, возможно, звукоподражательны с суффиксом **-ter-*, хотя предлагались и иные этимологии. Так, в основе **máh₂ter* находили корень **meh₂-* ‘считать’, а суффикс **-(h₂)ter-* иногда сравнивался с **h₁ter-* ‘община’ (иер.-лув. *atara* ‘лицо, образ’, греч. *ἐταῖρος* ‘товарищ’). Но последняя гипотеза не выглядит убедительно. Во-первых, тембры ларингалов в предполагаемом втором члене композита и корне различны (**h₂* > *a* vs. **h₁* > *e*). В-третьих, греч. *ἐταῖρος / ἑταρος*, скорее всего, восходит к **sue-tr-(i)os* ‘член общины’, а иер.-лув. *atara* сравнивается с *ta₄-ra* и клин.-лув. *dārus* ‘образ’. Иными словами, предложенная этимология не вполне обоснована; нет необходимости отказываться от интерпретации морфемы **-ter-* как суффикса. Имя **sue-sor*, вероятно, означало ‘своя женщина’; предлагалась, впрочем, и иная сегментация, и интерпретация (**-sor* – числительное ‘три’; **su-esor* ‘своя кровь’), но этимологии в скобках менее убедительны. В этой связи замечу, что и имя **suekuro-* ‘тесть, свекор’ (КШ) тоже содержит элемент **sue-* ‘свой’. КШ рассматривает вопрос о возможной метатезе **-kur-/krū-* и предполагает возможным отождествление последнего с **kreu-* ‘кровь’²⁶, ссылаясь, впрочем,

²⁴ Осетино-русский словарь / Сост. Б.Б. Бигулаев и др. Владикавказ, 1993. С. 94.

²⁵ Семантическую параллель здесь может предоставить история имен *семья, дружина* [Ларин 1977: 51–63].

²⁶ Неожиданно эта этимология возникает в «Вассе Железновой» Горького: «Что такое свекровь? Это всех кровь!».

и на иные мнения. Корень же **kuro-* может быть отождествлен с греч. *kúros* 'сила', *kúrios* 'господин', др.-инд. *śūrā* 'герой; учитель' [Бенвенист 1995: 171]. Таким образом, имя свекра или тестя означает «свой-хозяин», что укладывается в понятие «большой семьи», семьи-задруги. Ср. [Бенвенист 1995: 216–219] о значении корня **sue-* как имени хозяина, свободного человека в и.-е. лексиконе. А для имени **suēkuro-* 'шурин, деверь' (др.-в.-нем. *swāgur*) следовало указать не только продленную ступень, но и окситонезу (**suēkuró-*). Это имя имеет канонические аблаутно-акцентные черты производности. Они (т. е. продленная ступень и ударение на тематическом гласном) более всего свойственны древнеиндийским именам [Leumann 1959]. Но приведенная основа показывает общиндоевропейский характер этих черт.

Наконец, особая проблема – превращение полнозначных корней в суффиксы (или суффиксоиды). Надо сказать, что авторы уделили ей внимание. Так, в статье **b^her-* упоминаются местоименные наречия **ku-b^hro-* (арм. *erb* 'когда?', *erbek* 'некогда', тох. А *kupre* 'ли', В *kwri*), **to-b^hro* (греч. *τόφρα* 'до тех пор')²⁷. Упомянуто также **-b^h(u)o-* в лат. *tribus* 'триба, округ' (изначально – «третья часть населения Рима»), умбр. *trifu*, *trifo*. Можно было бы упомянуть и суффикс имени действия в лит. *daryba* 'образование', русск. *борьба*. Но не упомянуто **-d^heh₁-* в качестве довольно продуктивного суффиксоида: **sue-dh-* > греч. *ἔθος* 'обычай', лат. *sodālis* 'союзник'; **m(e)ns-dh-* > др.-инд. *medhā* 'мудрость', авест. *mazdā* 'мудрый', греч. *μάθημα* 'наука' и некоторые другие композиты [Meier-Brügger 2004]. Прибавим к этому вед. *bahudhā* 'много', где лексическое значение несет первый член композита, а второй скорее служит указанием на наречный характер. Такую же функцию второй элемент имеет в *sa-krt* 'однажды' (*krt* 'резать'), лит. *tuðkart* 'тогда' (тот же корень). Можно упомянуть и **-ok^uo-*: общеслав. **glob-okъ-*, **vys-okъ-*, **šir-okъ-*, лат. *anti-quus*, а также **h₁es-ti/iā* в слав. *крѣн-ость*, лит. *draug-ystė* 'дружба'. Приведенная в прим. 6 гипотеза Ж.Ж. Пино о суффиксе **-h₃en-* как изначально полнозначном корне спорна, но и она нуждается в осмыслении. Изучение этих явлений открывает, как представляется, новые

перспективы в исследовании праиндоевропейской грамматикализации. В словаре такого типа, наверное, нужно было привести полный список служебных морфем, происходящих из знаменательных, посвятив ему специальный раздел предисловия. Или, может быть, это задача еще не созданного словаря индоевропейских морфем?

Таким образом, замечаний можно высказать немало. Но они не должны заслонять от нас то, что авторы подготовили действительно фундаментальный труд. При всей его неполноте, при всех подмеченных огрехах, он представляет собой внушительную сводку материала по индоевропейскому имени, которая, безусловно, будет полезна в дальнейших исследованиях по индоевропейской этимологии и словообразованию. Также хотелось бы пожелать составителям еще раз вернуться к тексту и опубликовать его снова, учтя некоторые замечания, высказанные здесь, а также, несомненно, и в других рецензиях.

Корректурное примечание. И в новых работах, вышедших уже после «Nomina» высказываются интересные идеи, в чем-то близкие данной книге, в чем-то ее дополняющие или дискуссионные. В только что появившейся работе [Olsen 2009] содержатся соображения о грамматикализации в праиндоевропейском. Так, упомянутый нами суффикс **-ok^uo-* (**-h₃(o)k^uo-*) исследователь видит также в др.-инд. *pratīc-* 'передний', *śvitīc-* 'светлый'. Первая основа может быть сравнена с греч. *πρόσωπον* 'лицо', тох. В *pratsāko* 'грудь' (**proti-h₃k^u-*), ср. и др.-инд. *prātīkam* 'лицо, явление'; в этих примерах второй элемент композита сохраняет свое корневое значение. Интересны идеи Олсен относительно упоминавшегося «суффикса Хофмана», упомянутого нами в прим. 6. Его значение, по мнению исследовательницы, можно определить так: «большое количество х»: и.-е. **h₂ap-* 'вода' – **h₂ap-h₃on-* 'масса воды' > кимр. *afon* 'река'. Тот же суффикс вместе с другими образует комплексы типа **-ti-h₃on-* (лат. *natio*), **-h₃k^u-h₃onh₂-* (лат. *robigo* 'волчанка') и т.д. Если принять точку зрения Пино на происхождение этого суффикса, то к нему могут быть возведены абстрактные имена на *-ōn-*. Что же касается прилагательных и имен деятеля типа упоминавшихся *πίων*, *pīvān*, также др.-инд. *уивān* 'юноша', то они, как отмечалось выше (с. 4), содержат суффикс **-on-* без ларингала. С таким дополнением можно принять и гипотезу Ж.Ж. Пино [Pinot 2000].

Особое внимание в статье Олсен уделяется суффиксальным вариациям: **-a/ik-/a/ig-* (по мнению автора, происходящих из ларингала, преобразующегося в смычный в позиции перед **-s*). Варьируют и иные смычные в суффиксах:

²⁷ Свод мнений об этимологии греч. *τόφρα* см. в [Monteil 1963: 312; Chantraine 1974: 812]. Оба автора, приводя указанные параллели, считают, однако, их недостаточно обоснованными. А. ван Виндекенс [van Windekens 1976: 177] находит тот же формант и в тох. В *empret* 'истинный; истина' (усилительный префикс + **-bhro*).

*-tro-/-t^hro-/-d^hro-, *-tlo-/-d^hlo-. Замечу, что эти явления рассматривались еще в классических работах: как фонетические вариации в [Hirt 1925], как морфологические – в [Specht 1947]. Исследование Б.А. Олсен ставит актуальную задачу: разобраться с происхождением этих чередований. В том же сборнике публикуется и статья Й.Э. Расмуссена, компактно подытоживающая его исследования об индоевропейском аблауте (ступень *o* корневого вокализма окситонных имен как инфикс и окситонные прилагательные на -*i*-, -*ú*- как аналог суффиксальным на *-ró-, *-ló- и т.д.), ср. [Rasmussen 2009]. Таким образом, вопросы оформления и апофонии именных основ остаются центральными для индоевропейского языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев 1973 – В.И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л., 1973.

Бенвенист 1995 – Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер.; общ. ред. Ю.С. Степанова, М., 1995.

Герценберг 2009 – Л.Г. Герценберг. Новая литература по индоевропеистике // Индоевропейское языкознание и классическая филология: Материалы чтений памяти И.М. Тронского / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2009.

Дыбо 1981 – В.А. Дыбо. Славянская акцентология. М., 1981.

Иванов 1975 – Вяч.Вс. Иванов. К этимологии слав. *čelověkъ* // Этимология 1973. М., 1975.

Красухин 1987 – К.Г. Красухин. К вопросу о взаимоотношении индоевропейского активного и среднего залога // ВЯ. 1987. № 6.

Красухин 1998 – К.Г. Красухин. Акцентология в предыстории индоевропейских языков // ВЯ. 1998. № 6.

Красухин 2004 – К.Г. Красухин. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М., 2004.

Красухин 2005 – К.Г. Красухин. Аспект и время праиндоевропейского глагола // ВЯ. 2005. № 6.

Красухин 2007 – К.Г. Красухин. *Studia declinabilia* // Лингвистическая полифония: сб. в честь юбилея проф. Р.К. Потаповой. М., 2007.

Ларин 1977 – Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. Л., 1977.

Николаева 2008 – Т.М. Николаева. Непарадигматическая лингвистика. М., 2008.

Откупщиков 1967 – Ю.В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.

Откупщиков 2001 – Ю.В. Откупщиков. Труды по этимологии. СПб., 2001.

Панов 1956 – М.В. Панов. К вопросу о слове // Учен. зап. Мос. гор. пед. ин-та им. В.П. Потемкина, 1956.

ЭССЯ 1980 – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 6. М., 1980.

Ambrasas 1978 – V.J. Ambrasas. Lietuvių kalbos dalivijų istorinė sintaksė. Vilnius, 1978.

Benveniste 1948 – E. Benveniste. Noms d'agent et noms d'action. Paris, 1948.

Chantraine 1932 – P. Chantraine. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1932.

Chantraine 1974 – P. Chantraine. Dictionnaire etymologique de la langue grecque: Histoire des mots. V. 3. Paris, 1974.

Debrunner 1954 – A. Debrunner. Altindische Grammatik. Bd. III: Die Nominalbildung. Berlin, 1954.

Derksen 1996 – R. Derksen. Metatony in Baltic. Amsterdam; Atlanta, 1996.

Dressler 1989 – W. Dressler. Prototypical differences between Inflection and derivation // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 42. Hf. 1. 1989.

Dunkel 1997 – G. Dunkel. Lat. *iubar* and *fas* // Sound law and analogy: Papers in honor R.S.P. Beekes on the occasion of his 60-th birthday / Ed. by A. Lubotsky. Amsterdam; Atlanta, 1997.

Erhart 2006 – A. Erhart. Das ewige *s* // A. Erhart. Ausgewählte Abhandlungen zur indogermanischen vergleichenden Sprachwissenschaft / Hrsg. von B. Vykypěl; übersetzt von I. Kneisel. Hamburg, 2006.

Gonda 1975 – J. Gonda. Notes on the Indo-European *k^wi-* and *k^wo-* pronouns // J. Gonda. Selected studies. Leiden, 1975.

Hoffmann 1955/76 – K. Hoffmann. Ein grundsprachliches Possessivsuffix // MSS. 1955. Bd. 6 (= Hoffmann K. Die Aufsätze zur Indoiranistik. Wiesbaden, 1976, Bd. 2).

IN 2003 – Indogermanisches Nomen: Derivation, Flexion und Ablaut. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft / Hrsg. E. Tichy, D. Wodtko, B. Irslinger. Bremen, 2003.

Josephson 2004 – F. Josephson. Semantic and typology of Hittite *-ant-* // Indo-European word formation: Proceedings of the Conference held at the University of Copenhagen / Ed. by J. Clackson, B. Olsen. Copenhagen, 2004.

Krasuchin 1996 – K.G. Krasuchin. Studien zur Beziehungen zwischen indoeuropäischen Nomina und Verben // IF. 1996. Bd. 101.

- Krasuchin 2003 – K.G. Krasuchin. Qualitativer und quantitativer Ablaut in der Nominalderivation // Indogermanisches Nomen. Bremen, 2003.
- Krasukhin 2004 – K.G. Krasukhin. Archaic Features of Indo-European Word formation: The Greek and Old Indic type *τόμος – τομός* in a PIE perspective // Indo-European WordFormation: Proceedings of the Conference held at the University of Copenhagen / Ed. by J. Clackson, B. Olsen. Copenhagen, 2004.
- Kronasser 1966 – H. Kronasser. Die Etymologie der hethitischen Sprache. Wiesbaden, 1966.
- Kuiper 1942 – F.B.J. Kuiper. Notes on the Vedic noun inflection // Meddelingen van Koninklijke Nederlandshe Akademie van Wetenschappen, afd. letterkunde. V. 5. 1942.
- Kuryłowicz 1968 – J. Kuryłowicz. Indogermanische Grammatik. Bd. II: Akzent. Ablaut. Heidelberg, 1968.
- Laroche 1962 – E. Laroche. L' 'ergatif' en indo-européen // BSL. 1962. V. 57.
- Laroche 1975 – E. Laroche. Les noms *-ti* et *-tu* dans les langues anatoliennes // Mélanges offerts à Emile Benveniste. Paris, 1975.
- Lehmann 1958 – W.P. Lehmann. On the earlier stage of Indo-European nominal Inflection // Language. 1958. V. 29.
- Leumann 1959 – M. Leumann. Vokaldehnung, Dehnstufe und Vrddhi // M. Leumann. Kleine Schriften. Zürich; Stuttgart, 1959.
- Mayrhofer, Cowgill 1986 – M. Mayrhofer, W. Cowgill. Indogermanische Grammatik. Bd. II: Phonetik. Heidelberg, 1986.
- Meier-Brügger 2004 – M. Meier-Brügger. Zur uridg. Sekundärwurzel **sued^h(h₁)-/*suēd^h(h₁)-* // Indo-European Word Formation: Proceedings of the Conference held at the University of Copenhagen / J. Clackson, B. Olsen (eds.). Copenhagen: Museum Tusculanum, 2004.
- Miller 1967 – D.G. Miller. Forms of Indo-European genitive. PhD Dis. Harvard University. Cambridge (Mass.), 1967.
- Monteil 1963 – P. Monteil. Le phrase relative en grec ancien. Paris, 1963.
- Nussbaum 1986 – A. Nussbaum. Head and Horn in Indo-European. Berlin; New York, 1986.
- Olsen 2009 – B.A. Olsen. How many noun suffixes did Proto-Indo-European have? // Internal reconstruction in Indo-European: Methods, results, and problems / Ed. by J.E. Rasmussen, T. Olander. Copenhagen, 2009.
- Pedersen 1926 – H. Pedersen. La cinquième déclinaison en latin. Copenhagen, 1926.
- Peters 1980 – M. Peters. Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngals im Griechischen. Wien, 1980.
- Pinault 2000 – G.J. Pinault. Védique *dāmūnas*, latin. *dominus* et l'origine du suffix du Hoffmann // BSL. V. 95, fasc. 1. 2000.
- Pokorny 1959 – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Rasmussen 2009 – J.R. Rasmussen. Internal reconstruction applied to Indo-European: where do we stand? Internal reconstruction in Indo-European: Methods, results, and problems / J.E. Rasmussen, Th. Olander (eds.). Copenhagen, 2009.
- Scarlata 1999 – S. Scarlata. Die Wurzelkompositen im Rigveda. Wiesbaden, 1999.
- Schindler 1972 – J. Schindler. L'apophonie des noms-racines indo-européens // BSL. 1972. V. 67.
- Schwyzler 1939 – E. Schwyzler. Griechische Grammatik. München, 1939.
- Solta 1958 – G.R. Solta. Gedanken über *-nt*-Suffix. Wien, 1958.
- Stempel 1966 – R. Stempel. Die Diathese im Indogermanischen: Form und Funktion des Mediums und seine sprachhistorische Grundlagen. Innsbruck, 1966.
- Stüber 2002 – K. Stüber. Die primäre *s*-Stämme des Indogermanischen. Wiesbaden, 2002.
- Tichy 1992 – E. Tichy. Zur Rekonstruktion der Nomina agentis auf **-tér-* und **-tor-* // Rekonstruktion und relative Chronologie / Hrsg. R.S.P. Beekes, A. Lubotsky, J. Weitenberg. Innsbruck, 1992.
- Tichy 1995 – E. Tichy. Nomina agentis auf *-tar-* im Vedischen. Heidelberg, 1995.
- Vine 2004 – B. Vine. On PIE full grades in some zero-grade contexts: **-tí-* **-tó-* // Indo-European Word Formation: Proceedings of the Conference held at the University of Copenhagen / J. Clackson, B. Olsen (eds.). Copenhagen, 2004.
- Wallace 1986 – R. Wallace. Latin *tranquillus* // Glotta. Bd. 66. 1986.
- Watkins 1969 – C. Watkins. Indogermanische Grammatik. Bd. III: Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969.
- Widmer 2004 – P. Widmer. Das Korn des breiten Feldes. Interne Derivation und Flexionsklassenhierarchie; Aspekten der nominalen Wortbildung im Urindogermanischen. Innsbruck, 2004.
- van Windekens 1976 – A. van Windekens. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Louvain, 1976.

K.Г. Красухин